

Ду Цинчэнь наконец вздохнул с облегчением, взял плату за лечение и передал её врачу. Пожилому доктору было непросто прийти сюда поздно вечером, поэтому Ду Цинчэнь проводил его до двери, выражая свою благодарность, и только после этого вернулся обратно.

Он зашёл на кухню, чтобы проверить угли в печи, а затем вернулся в комнату, чтобы быть рядом с Су Дуном. Увидев, что лицо Ду Цинчэня выглядит не слишком радостным, Су Дун не выдержал:

— Со мной всё в порядке!

Ду Цинчэнь вздохнул:

— Твои родители даже не упомянули об этом! У меня в ресторане есть всевозможные ингредиенты! Они даже не подумали, что ты можешь случайно съесть что-то неподходящее!

В душе он чувствовал досаду, но понимал, что отец и мать Су Дуна — люди беспечные, и они, скорее всего, даже не знали об этой проблеме. Ведь, судя по всему, в семье Су никогда не ели арахиса, и сам Су Дун об этом не знал.

Су Дун мягким голосом оправдал родителей:

— Я сам не знал, откуда им было знать? К тому же, у нас дома никогда не ели арахиса.

Ду Цинчэнь не хотел, чтобы Су Дун, будучи больным, ещё и переживал из-за его отношения к родителям, поэтому он лишь вздохнул:

— Я не придаю этому значения, просто высказал своё недовольство. Мне просто жаль тебя!

— Мне кажется, мне уже лучше! — слабо улыбнулся Су Дун.

— Сначала выпей лекарство, а потом говори! — тихо произнёс Ду Цинчэнь.

Ведь лекарство ещё не было выпито, и, учитывая, что прошло совсем немного времени, аллергия, скорее всего, была на пике. Как он мог чувствовать себя лучше?

Когда лекарство было готово, Су Дун, морщась, выпил только половину чашки и наотрез отказался пить дальше. Ду Цинчэню пришлось взять тростниковый сахар и, словно ребёнка, уговаривать его допить.

Су Дун обиженно надул губы:

— Но я вечером слишком много съел! Даже если я не боюсь горечи, мой желудок просто не вмещает больше! Сейчас, после половины чашки лекарства, мне уже тяжело лежать.

Ду Цинчэнь промолчал.

Это действительно была неразрешимая проблема!

В итоге Ду Цинчэнь до полуночи разговаривал с Су Дуном, дожидаясь, пока тот немного переварит пищу, и только потом уговорил его выпить оставшуюся половину лекарства, которое всё это время подогревалось на плите. Однако Су Дун был настолько переполнен, что не мог уснуть, но у него уже не было сил встать, чтобы снова двигаться. Он просто лежал и вздыхал:

— В следующий раз я больше никогда не буду так много есть! Если заболею, даже лекарство не

смогу выпить.

Ду Цинчэнь, который спал на полу, положив руку под голову, зевнул, но, мигнув, бодрым тоном сказал:

— Да! Вечером не нужно есть так много, это вредно для желудка. Половины порции достаточно, как бы вкусно ни было, нельзя переедать.

Су Дун глубоко вздохнул. Он действительно был настолько сыт, что не мог уснуть.

— Но я всё равно хочу твою арахисовую пасту. Неужели теперь я больше не смогу её есть?

Су Дун был немного расстроен. С тех пор, как он женился на Ду Цинчэне, он попробовал много вкусных вещей, и теперь, когда ему придётся отказаться от одного из них, он чувствовал себя подавленным.

— В следующий раз я приготовлю тебе что-то ещё вкуснее. Я сделаю кунжутную пасту, и мы устроим хого! Кстати, у тебя нет аллергии на кунжут, правда?

— Раньше я ел кунжут, всё было в порядке, — с грустью ответил Су Дун.

Ведь он не на всё реагирует! Иначе как бы он мог наслаждаться вкусной едой?!

На следующее утро Ду Цинчэнь, сонный и уставший, отправился открывать ресторан, предварительно попросив Су Дуна продолжать отдыхать и не перенапрягаться.

Перед уходом Су Дун напомнил:

— Ты не забудь сказать Ду Юцаю про Рыжую...

— Не волнуйся, она не умрёт с голоду. Я скажу Ду Юцаю, чтобы он, если у тебя не будет времени, покормил свинью. Он не глупый, увидит вёдра с остатками еды и сам догадается, что нужно сделать. Не переживай.

Су Дун меланхолично вздохнул:

— Конечно, я буду волноваться! Ведь она должна быстро вырасти, чтобы мы могли приготовить свинину хуншао.

Ду Цинчэнь промолчал.

Ду Цинчэнь, занимаясь делами в зале, увидел гостей из деревни семьи Су и попросил их передать родителям Су Дуна, что он заболел.

Незадолго до обеда отец и мать Су Дуна прибежали, торопливо направившись прямо в спальню, где увидели Су Дуна, лицо которого опухло, словно он поправился на целый размер. Он спал, так как прошлой ночью, переел и выпив лекарство, не смог нормально уснуть. Теперь, когда пища переварилась, его наконец сморила сонливость.

Мать Су сначала подумала, что он потерял сознание, но, увидев его распухшее и покрасневшее лицо, слёзы тут же покатались по её щекам. Она тут же хотела обвинить Ду Цинчэня в том, что он плохо заботился о её сыне.

Ду Цинчэнь, однако, был готов к этому. Он хорошо знал мать Су и решил опередить её, выведя

обоих родителей во двор, чтобы не разбудить Су Дуна, и первым заговорил:

— Вчера Су Дун съел немного арахиса, и ему стало плохо. Почему вы не сказали мне, что ему нельзя есть арахис? Вы сами об этом знали?

Конечно, его целью было не обвинение, а объяснение.

Услышав это, отец и мать Су сначала растерялись, обменялись взглядами, а затем их лица озарились пониманием.

— Погодите! Вы знали, что Су Дуну нельзя есть арахис? Но он сказал, что у вас дома никогда не ели арахиса... — Ду Цинчэнь, увидев их выражения, понял, что они действительно знали об этом, и был крайне удивлён. Если они знали, почему Су Дун не знал, и почему никто не сказал ему?

— Именно потому, что Дун не может есть арахис, мы уже больше десяти лет не ели его! — воскликнула мать Су, хлопнув себя по бедру. — Прошло столько времени, что мы даже привыкли и забыли об этом!

— Но сам Су Дун, похоже, не знал...

— Конечно, он не знал! Это было, когда он был маленьким, лет четырёх или пяти. Как он мог это помнить? Я помню, как он однажды съел мою закуску к вину, и вскоре всё его лицо опухло, да ещё и сыпь пошла. Было довольно серьёзно, — ответил отец Су. — С тех пор мы больше никогда не ели арахиса. Кто бы мог подумать...

— Да! Мы забыли об этом и не сказали ни Дуну, ни тебе, — вздохнула мать Су.

Она сама не могла никого винить. Раньше она хотела обвинить Ду Цинчэня в том, что он плохо заботился о её сыне, но теперь у неё не было причин, и она могла только признать свою вину.

Отец Су тоже вздохнул и пробормотал:

— Не знаю, откуда у него такая капризная болезнь. В нашем роду на протяжении нескольких поколений никто так не страдал.

Мать Су тоже печально вздохнула:

— Кто спорит? В нашей семье тоже такого не было. Хотя наш Дун и правда не очень похож на нас.

Ду Цинчэнь, который до этого слушал довольно рассеянно, вдруг насторожился:

— Что вы имеете в виду?

— Да просто наш Дун — самый красивый в нашей семье, даже красивее нас! Он унаследовал всё самое лучшее от наших предков, где красиво — там и вырос. Получилось так, что он даже не очень похож на своих родителей, — самодовольно засмеялась мать Су.

Ду Цинчэнь был озадачен, но не стал обращать внимания на её хвастовство:

— Отец, мать, у меня в зале много дел, так что я не могу оставаться с вами. Оставайтесь пообедать, побывайте с Дуном.

Отец Су задумался, колеблясь. Ему не хотелось оставлять больного сына, но он также не хотел доставлять неудобства Ду Цинчэню, ведь тот был занят бизнесом. У него не было времени на приём гостей!

— Отец, я сейчас очень занят, и когда Дун проснётся, вам нужно будет за ним присмотреть. К тому же, он впервые болеет у меня, и, думаю, он хочет видеть вас.

Мать Су возмутилась:

— Что значит «впервые»? Ты что, планируешь, чтобы он болел ещё раз?!

Ду Цинчэнь сдержал смех:

— Да, да, я ошибся. Мама, оставайтесь, не уходите. Я велю приготовить вам обед, пообедайте здесь.

Отец и мать Су, увидев это, не стали больше отказываться и, кивнув, вошли в спальню, чтобы ухаживать за сыном.

Ду Цинчэнь распорядился, чтобы им принесли обед, а сам отправился заниматься делами.

К вечеру Су Дун почувствовал себя намного лучше. Видимо, арахис, который он съел, наконец переварился, и он пошёл на поправку. На кухне было настолько тесно, что Ду Цинчэню пришлось поставить печь в углу двора, чтобы приготовить лекарство для Су Дуна. Он заставил его выпить его, и только после этого разрешил встать с постели.

— Отец, мама, со мной всё в порядке! Смотрите, я чувствую себя полностью здоровым! — радостно заявил Су Дун, прогуливаясь по двору.

Несмотря на то, что его лицо всё ещё было немного опухшим, он действительно выглядел намного лучше.

<http://bllate.org/book/16444/1491183>